ПОЭТОГРАД

№ 28 (180)
Июль
2015

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Поэзия Людмилы Колодяжной к юбилею Велимира Хлебникова

Мемуары Владимира Спектора

Выдающийся поэт России Афанасий Фет

Поэзия Игоря Куликова, Григория Горнова, Ольги Симоненко-Большагиной и Валентины Гончаровой

Наши в Мадриде

Журнал «Дети Ра»

Пьедестал Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

АФАНАСИЙ ФЕТ (1820—1892)

* * *

Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил
Быстрых коней, Фаетонову гибель, за розовый Эос;
Круто напрягши бразды, он кругом озирался, и тотчас
Бойкие взоры его устремились на берег пустынный.
Там воскурялся туман благовонною жертвою; море
Тихо у желтых песков почивало; разбитая лодка,
Дном опрокинута вверх, половиной в воде, половиной
В утреннем воздухе, темной смолою чернела — и тут же,
Влево, раскинуты были обломки еловые весел,
Кожаный щит и шелом опрокинутый, полные тины.
Дальше, когда порассеялись серые волны тумана,
Он увидал на траве, под зеленым навесом каштана
(Трижды его обежавши, лоза окружала кистями) —
Юношу он на траве увидал: белоснежные члены
Были раскинуты, правой рукою как будто теснил он
Грудь, и на ней-то прекрасное тело недвижно лежало,
Левая навзничь упала, и белые формы на темной
Зелени трав благовонных во всей полноте рисовались;
Весь был разорван хитон, округленные бедра белели.
Будто бы мрамор, приявший изгибы от рук Праксителя,
Ноги казали свои покровенные прахом подошвы,
Светлые кудри чела упадали на грудь, осеняя
Мертвую силу лица и глубоко-смертельную язву.

1847

(Стихотворение с портала www.futurum-art.ru)

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания «Диалог» создает фильмы о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни

Мы делаем программы для ТВ, Интернет-ТВ, создавая галерею образов наших современников. Телекомпания «Диалог» — это разговор с обществом, государством, церковью, писателями и художниками, деятелями культуры и науки, мастерами всевозможных профессий… Это общение представителей самых различных слоев общества. Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

Коммерческий отдел нашей телекомпании принимает заявки на съемки фильмов по заказу.

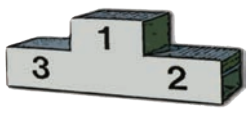
Тел.: +7 (495) 971 79 25, факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

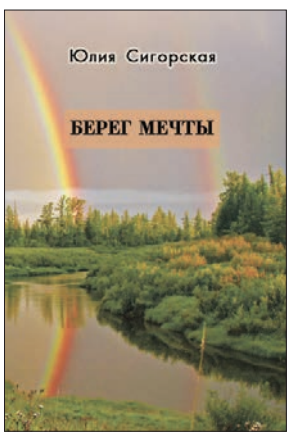
ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

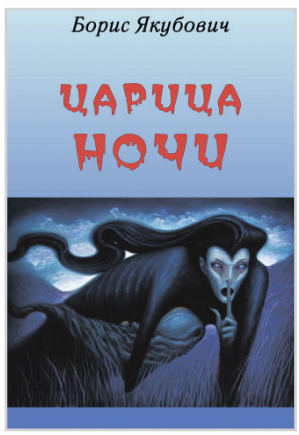
Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



Светлана Тимакова
«Синица»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015



Юлия Сигорская
«Берег мечты»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015



Борис Якубович
«Царица ночи»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ЖИТЕЛИ ПОЭТОГРАДА

ИГОРЬ КУЛИКОВ
ОТКЛЮЧИ ЭТОТ ДОЖДЬ

ПРОЩАНИЕ

(памяти Робина Уильямса)

Где были те, кто должен был быть рядом
В тот миг, когда вселенски ты устал,
Решив, что дальше жить, увы, не надо...
О Боже! Капитан мой, капитан!

Мы все в наряды разные одеты.
Для каждого горит своя звезда.
У каждого в мечтах свои сюжеты...
Мечты порой приводят не туда.

Вернее пули убивают словом.
Ты принял то, что я понять не смог —
Пока смеется нам со сцены клоун,
Его уже оплакивает Бог.

август-сентябрь 2014 г.

ПАМЯТЬ ВРЕТ...

Память врет, ведь она говорит, что живой...
Наперед все ходы и крапленые карты
Знаю я потому, что горящей канвой
Звезды вышили бисером небо на старте.

Только старт — это финиш, конец, пустота!
Здесь так часто дожди в октябре — это осень...
У нее на поверку работа проста —
Красить золотом листья и волосы в проседь.

По туману под вечер костра аромат.
Вдалеке мне призывно гудит электричка.
Словно чай настоялся багровый закат.
Улетающих птиц в облаках перекличка.

Так и он улетел, так и мы улетим...
Со старухой с косой объяснившись приватно.
На дорожку, быть может, чуть-чуть посидим,
Но как птицы, увы, не вернемся обратно.

А пока, полной грудью вдыхая туман,
Я живу, я люблю, я дышу и... скучаю
Вместе с осенью, жизни читая роман,
С ароматом костра и закатного чая.

Память врет... ведь она говорит, что живой...
Просто помнит! И былью становится небыль!
Как красиво раскинулось над головой
Неземное, расшитое бисером небо.

05.10.2012 г.

ОТКЛЮЧИ ЭТОТ ДОЖДЬ

Отключи этот дождь, из воды я люблю только море,
Терпкий сок виноградной лозы на любимых губах.
Притворюсь, словно мы никогда не встречались с тобою.
Это просто — октябрь, и, быть может, немножечко — страх...

Облетает листва, и лежат золотые дороги.
Мимолетная вечность... забытый смешной анекдот...
Ты уже далеко, не догнать, и, присев на пороге,
Я не стану жалеть ни о ком, кто ко мне не придет.

Фиолетовый бархат в чернилах закатного неба.
Осень плачет о тех, кто ее не встречает теперь.
Пролетит воробей с черствой корочкой черного хлеба...
Пролетят двадцать лет, и... захлопнется старая дверь.

Это просто — октябрь. Это просто — черта невозврата.
Я смирился с судьбой, с тем, что больше ко мне не придешь.
Мы теряем друзей — это горькая очень утрата.
Отключи этот дождь! Я прошу! Отключи этот дождь!

04.10.2013 г.

ГРИГОРИЙ ГОРНОВ

* * *

Когда беспамятсвом полна,
Духами сбрызнутого ситца,
То слаще крепкого вина,
Конечно, сидя.

Когда высокий литсобор
Решает: я тебя не стою.
То лучше всем наперекор
Предаться — стоя.

Когда же полная луна
Стоит испариной на коже
Твоей, тогда сулит она
Надмирно, лежа,
Одной ногою в сне, другой
Во мне. Вообще, друг в друге
Быть, словно в свет береговой
От середины моря плыть.
По сингулярности скользить,
Как тот, сумевший нас простить,
Снежок летающий во вьюге.

Но ниже сердца плоти нет,
Там все прошло черту распада.
Там нет людей и нет планет,
Лишь из зародышей комет
Сплошные гроздья винограда.

ПЕСНИ ПОЭТОГРАДА

МАДРИД В МАДРИДЕ. НОВЫЙ ТРЕК ПЕВИЦЫ LIGHTNEY

Во вторник 23 июня состоялась премьера песни «Города» российской певицы Lightney на Radio Exterior de España в Мадриде. Программа, посвященная артистке, началась с фрагмента ее дебютной композиции «Феникс», презентованной в начале года и уже попавшей в ротацию ряда радиостанций России и Казахстана. А после обстоятельной беседы состоялась долгожданная премьера.

Авторами песни стали композитор Максим Марков и поэт Владимир Коркунов, ранее работавшие с певицей над дебютным треком. Звучание «Городов» пронизано атмосферой движения и приятной суетой отпуска.

«В последнее время самым популярным городом Испании стала Барселона,— говорит Lightney.— При этом на задний план отходит прекрасная королевская столица, и мне как болельщице "Реала" это кажется несправедливым! Так что хотя наш трек носит общее название "Города" и посвящен путешествиям в целом, для меня это — песня о Мадриде! И мне особенно приятно, что именно в этом городе она прозвучала впервые».

Владимир Коркунов подчеркнул, что рад успеху новой композиции, но останавливаться на достигнутом коллектив певицы не собирается: «Изначально песня задумывалась о путешествиях по разным городам Европы, Испании и Греции, однако, в конце концов, мы решили не разбрасываться и сконцентрироваться на стране корриды и фламенко. И, мне кажется, трек удался! Lightney — новое, но перспективное явление российской поп-рок-сцены, и мне радостно, что первые шаги на ее творческом пути мы делаем вместе. И, конечно, работаем над новыми песнями: об одиночестве, альтер-эго и чувствах. При этом экспериментируем со звуком, добавляя необычные рифы, а в стихах новые, неожиданные метафоры. Должно получиться здорово!»

Василий МАНУЛОВ

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД».
КАЧЕСТВЕННО И НЕДОРОГО!
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ
ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75

ОЛЬГА СИМОНЕНКО-БОЛЬШАГИНА
ФАТЕРЛАНД

* * *

А когда даришь уезжал в Париж,
заносил песком золотым часы.
Что там цифер-блат, кремень, как кремень,
стрелки закрутил в ятаган-усы!

А Париж — Афины, не Париж-Дакар —
знают братья финны, догадался грек.
А Париж — Афины — колыбель культуры,
Колыбель культуры, если не ковчег.

Сена там шумит, как приток Сенной.
Проясняет даль русский говорок.
С мамой в Лувр бежит кареглазый Ной.
В кулачке зажат золотой песок.

* * *

Божественно, на расстоянии родин
знать родинок сакральные законы,
которыми был выведен и пройден
от мутерланда к фатерланду путь.
Но, кажется, достаточно спугнуть
ученостью премудрого кота,
чтоб увидать, как родина проста:
как трижды три, как дважды два,
как раз и навсегда.

* * *

Нам в наследство достался сжиженный кислород.
Хочешь — сваркой займись, хочешь — храни в гараже.
«Можно в космос лететь, — зубоскалил спитой народ, —
Приварило к Раеву, не будет ужо хужей».
Мы баллоны не катим, не дышим, а держим ритм.
Лучше всех сохранится, пожалуй, один Хеопс.
Солнце в полдень мерещится чисто бритым,
не светилом небесным, критическим смыслом, упс.

Псу понятно, зачем наша старица
Кислородом жижится, полнится до краев.
Оттого на Саров он и лает, старается, —
просит чудный наш навестить, наш чудной Раев.

* * *

Даже если ты счастлив и молод,
я навеки твоя фатерланд!
Наспех шарфом намотана в холод,
чтобы ты воспаление гланд,

зарываясь по темечко в плечи,
не схватил у чужих куреней.
И для тех, кого время не лечит —
нет надежней меня и верней.

Даже если в ночи госпитальной
пахнет гипсом мой марлевый бант,
и с тобою ремонт капитальный —
все равно я твоя фатерланд.

Даже если обед порошковый
и соседних не выровнить гор, —
опрокинь за меня посошковый:
Фатерланд! Мутерланд! Лукомор!

ВАЛЕНТИНА ГОНЧАРОВА
ЭХО НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ (СОНЕТЫ)

* * *

Доносит шепот вечности волна,
Глубины недр познав и бездны неба...
Гонима ветром и обласканная Фебом,
Путями беспредельности сильна...

Она рокочет рокотом Пророка,
Ласкается полуденною негой,
Волнуется под бирюзовым небом,
Свежа и холодна, и одинока...

Качает золотистый мед заката,
Зарею утренней умыться рада,
И, затаивши влагу меж ресниц,
Распахивает очи голубые!

И, вольная, не ведая границ,
Ласкает берег вечный, как впервые...

* * *

Обитель облаков, край миражей,
Мне предлагают кров, спасительно-высокий.
Средь белых грез совсем не одиноко,
И полон ум заоблачных затей.

Бодрит эфир бессонной грезой слов,
Они, подобно стаям птиц, слетают
И в рощах поднебесных распевают
Рапсодию фантазии и снов!

Блистает неземное Совершенство
Среди садов, цветущих для блаженства!
Душа в свои пределы попадает!

В долинах тихих плод сладчайший зреет,
Медовым соком зрелость истекает,
Преград лучам чудесным не имея...

* * *

Не уходи, виденье Красоты!
Восторг, не покидай мои мечтанья!
Безумие любви, его страданья,
Не оставляйте в мире пустоты!

Влюбленность, взоры, нежность немоты,
Распахнутое Радости Далеко,
И цель недосягаемо-высокая,
И светлый День, и грезы Темноты...

И Музыка — земное совершенство —
Продолжи ритм сердечного блаженства!
Пой, скрипка! Плачь, зови, волнуйся счастьем!

Не оставайся, Слово, безучастным,
Оттенки чувств не оттеняй напрасно...
Живи, Любовь, живи и надо мною — властвуй!

* * *

Мой Ангел, мой Спаситель, Чудотворец,
Разлив любви пьянящий аромат,
Сам очарованный, зовешь в свой дивный сад!
Ступаю следом за тобой, не споря...

Вдыхаю трав цветение, цветов,
Любуюсь инеем седых деревьев.
И в фиолете радостных сиреней
Ловлю я эхо несказанных слов...

Сон слов и слово сновидений,
Весны не встреченной виденье
Ловлю... И— улетаю к небесам!

Твой сад — мечта и греза — легкокрыло, —
Души неувядаема краса, —
Все возродил во мне, что сердцу мило!

* * *

О, моя греза, мой туман волшебный,
Мой белый лебедь в чистопрудной неге...

Лишь только миг вкушаю День Вселенной,
Но не Земля! Моя обитель — Небо...

Тоскую, проливаю тайно слезы,
Несбыточного вновь и вновь ищу я.
Меня Он помнит и спасает грезой!
Но отчего же я тогда тоскую?

Давно понятно: я — Его забота!
Отец Небесный мне нашел работу —
Припоминать Земле Небес пределы...

Пытаюсь... На пути к задаче трудной...
Через Любовь— слова в туманах белых,
И лебедь одинок мой чистопрудный...

* * *

Открылась нам гармония иная,
Сокрытая, сиянье отражает —
Так, облако, затмившее Луну,
По краю озаряется свеченьем...

И Радость от Унынья защищая,
В светлейшую надежду одеваем
Миры, дрожащие за нежной пеленой...
Два сходных мира тайною одной,

Смиренные, на Бога уповая,
Благоговейно в мыслях укрываем...
Сердечным эхом посылается настрой.

Там — все возможно! Истину оттуда ждут:
Росинки на полях горят звездой,
А в небе — травы полевые жнут!

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ
А ОН — ВСЕЛЕННОЙ УЧЕНИК

К 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова

* * *

«Я вам расскажу, ...Мои зачеловеческие сны...
Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки...»
(Здесь и далее цитаты из произведений Велимира Хлебникова.)

Пускай еще подремлет лира,
ее я мирно отложу,
когда читаю Велимира,
брожу по строкам-виражу.

За буквой буква — в Слово мчится,
покуда образ не возник...
Ведь я всего лишь ученица,
а он — Вселенной Ученик.

Откуда он — мы не спросили,
пришел к нам как Вселенной сын,
как ангел, он прошел Россию —
с котомкой, с посохом, босым...

Он Книги создал строй — Единой,
той, у которой нет конца,
водя пером лишь голубиным,
где на обложке — знак Творца.

В словах узор Вселенной выткал,
ушел тропинкой-тишиной,
неся в душе земные свитки
и на мизинце — шар Земной...

* * *

«Слово — пяльцы, слово — лен, слово — ткань».

Слова — пути,
мы троп чужих скитальцы,
с которых не сойти,
не убежать,
пространства
лен, натянутый на пяльцы,
нам, странствуя,
ни разредить, ни сжать...

На петлях
Бог повесит колыбели,
чтоб к ветру
ближе жизни стал приют,
замедлен
к ночи сольный плеск капели,
к рассвету
чаще смена вех-минут...

Минут святых,
что в память вбиты-вброшены —
полету их
ты направленье дал,
чтоб улей
снежный ангелов тревожа,
они коснулись
слов, что Бог шептал...

Ведь, вспоминая,
ты еще пророчишь
тенями слов,
забыв живую речь,
чтоб поняла я —
речь теряя, хочешь
хоть очертанья берегов
сберечь...

Ведь слово-лен
натянуто на пяльцы,
пусть выжат звук,
но слово-ткань — не сжать...
В полон пелен —
воздушных троп скитальца —
тебя зову...
Тебе — не добежать...

ХЛЕБНИКОВА ПОЛЕ

«А я из вздохов дань сплетаю в Духов день...»

Ты помнишь? — Хлебникова Поле,
где нет начала и конца,
и где слова растут по воле,
их создающего Творца.

Над головой там — рой мерцает
звезд... Слова теряют тень,
и луч — из вздохов дань сплетает
и в Троицу, и в Духов день.

И песнь кузнечика ликует —
с тобой читаем мы о том,
как он беспечно крылышкует
по строчкам — золотописьмом.

Из поля приплывают вести,
переплетаясь с тишиной,
и у Творца мерцает перстень,
как на мизинце — шар земной...

СТРОКА ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

«Помогайте звонари, я устал...»

Как рубец морозной розной ночи,
полумесяц венчиком из стали,
раскачаем Слова колокольчик,
звонари помогут, коль устанем.

Звук печалью разорвет улыбку,
укорит набатом, вещим, вечным,
язычок в нем — серебристой рыбкой,
голос не похож на человечий,

очертаньем чаши полузыбкой,
с колокольни-звонницы на площадь
упадет, и в трещине-улыбке
ветер — хриплый голос прополощет.

Звонари помогут, коль устанем,
нескончаем Слова колокольчик...
Полумесяц-ободок из стали
как венец морозной звездной ночи...

* * *

«А на обложке — надпись Творца...»

Голос твой шелковинкой-закладкой
в Книге Единой — о нас, в страницах,
там, где написано кратко и гладко
все, что о жизни нашей приснится.

Звездным вечером розно никнем
над чьим-то томом, мыслью непраздной,
читаем одну бесконечную Книгу,
думаем вечно, прочтя — о разном.

Перелетает страница-странница,
клад охраняет граница-закладочка,
к вечеру тень от страницы сгибается
черным крылом погубленной бабочки.

Наших имен письмена голубые
луч подчеркнет ненадежной дорожкой,
судьбы из книг выбираем любые —
надпись Творца, прочтя на обложке...

АЗБУКА

«...все разнообразие слова исходит от основных звуков азбуки, заменяющих семена слова. Из этих исходных точек строится слово, и новый сеятель языков может просто наполнить ладонь 28 звуками азбуки...»

Из опасных глаз твоих, глаз сухих,
не напрасен взгляд, взгляд-огонь.
Три десятка букв твоей азбуки —
горсть, закинутая в ладонь.

Я из букв сплету веток-строчек жгут,
на две дали страницу деля.
Одна даль — твоя, там мой путь сожгут,
а вторая — ничья земля.

По ничьей земле каждый шаг твой скуп,
затихает, ахнув, молва.
В лунку, в шаг твой, след горсть закину букв,
чтобы славой росли слова.

Чтобы глаз сухих утихал огонь,
мой опасный друг, дальний гость...
Уходя с земли, разожму ладонь,
три десятка букв — твоя горсть.

* * *

«И не сумел прочесть письмо зари...»

Письмо зари прочесть я не успела,
оно осталось, как горящий очерк,
написанный в ночи летящим мелом,
когда неровен пишущего почерк.

Когда спешат строку, что с губ слетела,
заколдовать и заковать в границы,
чтобы лишить души, оставив тело,
уснувшее на белизне страницы.

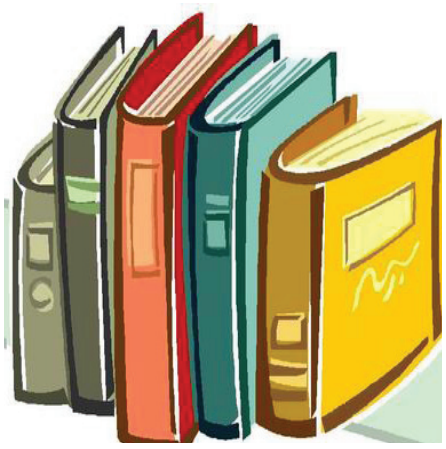
Строку, что оживает ожерельем
горошин-букв — основой чьих-то четок —
хранящих свет лучей, тех, чье скрещенье
растет тенями будущих решеток...

Я не прочла небес твоих посланье,
угадывала лишь по многоточьям,
летящим в темноте, мечты, желанья,
что на земле сбываются воочью —

на белизне страницы... Время,
пред вечностью упавшее туманом,
остановилось... Мы идем за теми,
кто в глубь вошел, в купели Иордана —

здесь, где река вокруг туманной оси
свивается, где тянется олива
ветвями, где ступают по колосьям
строк, срезанных уже, по колким нивам...

Зари — прочесть я не успела письма,
но врезан в память очерк тот горящий —
нить горизонта, что строкой повисла,
удержанная вдруг мелк'ом летящим...



Окончание на стр. 5

Окончание. Начало на стр. 4

ЛЮДМИЛА КОЛОДЯЖНАЯ
А ОН — ВСЕЛЕННОЙ УЧЕНИК

К 130-летию со дня рождения Велимира Хлебникова

ЛЕРМОНТОВ

«А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу».

Речью прерывистых строчек скольжу,
сколь же речей над обрывом? —
я про Машук шепотком расскажу
верностью смерти красивой.

Молнии клонятся нивой огня,
честные почести неба,
мертвый певец донимает меня
гоном оленей, где б не был.

Средь облаков, облачась до сих пор
в горные строки растений,
мертвый певец смотрит ветром в упор
в строки молитвы оленьей.

Бога убитых, Тройного, летуч,
луч снимет первую мерку,
отяжелит тень одеждою туч,
крепом скрепив, не померкнет.

Я шепотком про Машук расскажу,
тень над пятном Пятигорска,
внемля, кремнистую нить вывожу
строчкой непрочной, как горстка.

* * *

«И вот ты снова данник журавлей...»

Обитаешь ты где-то вдали,
но к тебе летят журавли

над бумажным полем страницы,
задевая крылом границы.

Вьется тонкой строчки стезя,
но к тебе мне дойти нельзя,

потому что строка коротка —
но над ней растут облака,

над простором бумажных полей,
где рисую я журавлей.

Зарастают словами поля,
не услышать тебе журавля,

что поет в твоей тишине —
обо мне, обо мне, обо мне...

Лишь когда-нибудь эта страница
прилетит к тебе, как синица,

но — увидишь ты журавлей
над простором бумажных полей...

* * *

«Песенка — лесенка в сердце другое...»

В сердце плеснет ли — твоя мне песенка,
луч ли стрелою пронзит тугою,
словно дорожку в сердце другое,
строю из слов воздушную лесенку.

Песенка ищет тропинки витые,
как на путях воздушных изломы,
там, где в лучах пастушьей соломы
светят глаза простодушно-святые,

как на иконе, увиденной в детстве,
там, где свет угадан за мглою,
луч ли пронзит тугою стрелою,
или песня плеснет мне в сердце,

только знаю, что кроме дома,
кроме стен, к судьбе равнодушных,
есть тропинки далей воздушных,
словно лествиц святых изломы...

* * *

«Усталой мельницы глагол...»

День твой чужою улыбкой пронизан,
значит и мне — улыбнуться нынче,
чтобы капризной волной Моны Лизы,
день сошел с полотна да Винчи.

Ясный твой вечер прошит чужою
песней, уколами слов по шелку,
праздно твоей овладевши душою —
чтоб моему рассказу умолкнуть,

чтобы овалом звука чужого
был черный шелк твоей жизни вышит,
чтобы к словам моим с неба ночного
стражник слов, осторожный, вышел.

День мой твоею улыбкою взвинчен,
сумрак — кольцом, жгутом анаконды,
чтобы с холщовой ткани да Винчи
ночь ускользнула бы Джиокондой.

Ветер на круги чужие стелется,
в круги пройдя неразрывные наши,
все же — Глагола усталого мельница
крыльями наших ангелов машет...

* * *

«Азы из узы...»

Начиная с азов, тянем узы, как зов,
жизни нити — лучами в ночи убывают,
утром ранним тетради замкнем на засов,
все равно без молитвы стихов не бывает.

Отразившись, звезда не удвоит строки,
соль земли не добыть из источника пресного,
шеломянем напьемся из древней реки,
тишиною окончим старинную песню.

К Рождеству обрубаются хрупкие дни,
видишь, в звездных лучах тени стали короче,
Бог еще не родился, мы снова — одни
на пороге декабрьском единственной ночи,

в час, когда наступает означенный срок,
повивальные вьются над миром метели,
даже время мелеет, чтоб стал виден исток,
Вечность снова висит над землей в колыбели.

Отпираются двери, сброшен райский засов,
звездный луч застывает натянутой нитью,
где-то жизнь начинается с Божьих азов,
где-то чудом становятся дни и событья...

* * *

«Я белый ворон. Я одинок...»

Крылья окрашены цветом страницы —
страницы жизни огромной,
словно я превратилась в птицу —
в белую птицу-ворону...

И до меня слова твои нежные
порою не долетают,
я смотрю с высоты белоснежной
вниз — на черную стаю.

Птицы там за добычу жаркую,
друг друга забыв, воюют —
и не поют, лишь кричат и каркают...
А здесь, в небесах — пою я.

Рядом со мною ангел летает,
я говорю со звездами
и не хочу возвращаться в стаю —
хищную, грязную, грозную.

Я послушна лишь сетке ветхой
веток тонких, укромных,
словно стала я птицей редкой —
белой, как ангел, вороной...

* * *

«Ветер утих и утух вечер утех...»

Пусть качнется мой стих,
как сирень над тобой, не иначе...
Чтобы ветер утих,
краткой встречи срок обозначив.

Чтобы вечер утух,
звездным светом тени колыша,
под мелодию-стук
темных веток сирени по крыше.

Чтобы ты приходил,
летней шторы спадала завеса...
Чтобы ты уходил,
когда солнце восходит над лесом.

Пусть тетради листок
раскрывает крыло над тобою...
Нами пройден виток
ветхой лестницы, ставшей судьбою.

СПИЧКИ СУДЬБЫ

«Буду делать сурово
Спички судьбы...»

«Что любопытно тут для меня,
это логическое развитие темы спичек...»
В. Набоков

Сквозь времени медленный гам —
звук голоса одинокого
влечет к «другим берегам» —
Хлебникова... Набокова...

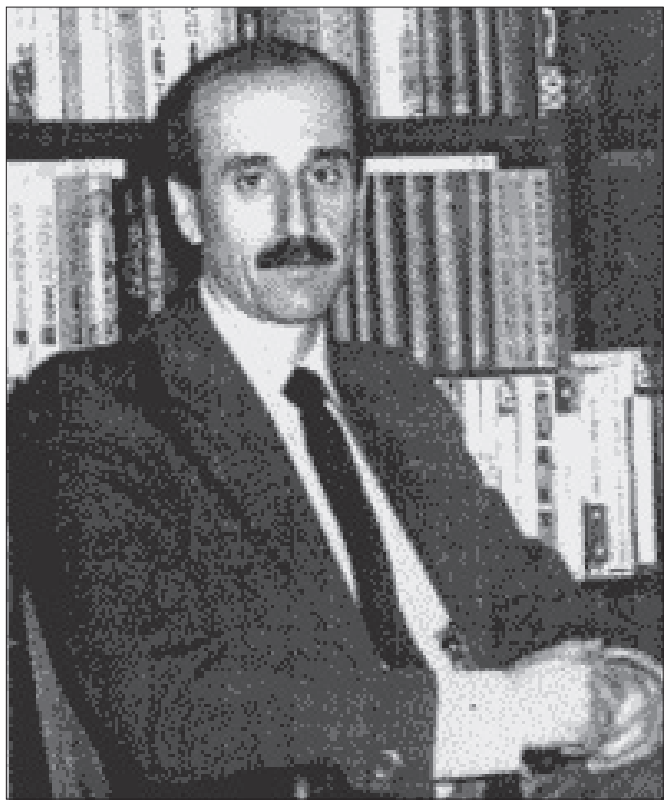
Несчетно — в истории вех,
но эта стала — заклятой,
обозначая век
тот, что зовем Двадцатым.

Время ушло — тишины,
влилось в тесное русло —
гениев без страны,
без родины — мальчиков русских.

Вспыхнула на ветру
спичка, пожаром сгорела...
Я ее подберу —
она никого не согрела.

Как оказались слаб'ы
грани жизни и мира...
Спички сгорели судьбы —
Владимира и Велимира...

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ...



Все снег да снег. Уже до первого апреля остались
считанные дни.
Ну где грачи твои, Саврасов? Улетели. На крыльях
не несут они весны.
Весны зеленой, молодой, веселой... Да все равно
перед дверями школы,
Сосульку пробуя разгоряченным ртом,
Стоят каникулы в распахнутом пальто...

Игра номер один — это, конечно, дворовый футбол. Понимая, что с моей комплекцией шансов стать полевым игроком было мало, я легко согласился быть вратарем в команде нашего двора, благо, ворота, обозначенные двумя кирпичными столбиками, своими размерами не требовали звериной ловкости и прыгучести. Я старался, и пару матчей что-то отбивал и даже ловил. Но потом команда записалась для участия в городском турнире «Кожаный мяч», и вратарем стал кто-то другой, наверное, более квалифицированный. А я вернулся к чтению и наблюдал за командными результатами (не блестящими) со стороны. «Кожаный мяч» был очень популярен, тем более, в Луганске, чья «Волна» стала вице чемпионом всесоюзного турнира. С двумя игроками этой команды я встретился во взрослой жизни. Володя Неделенко (светлая память!) работал в заводском центральном конструкторском бюро, а Александр Лямцев в отделе транспортеров. Позже он стал заместителем главного конструктора завода «Трансмаш». Для меня, как для болельщика, они сразу стали легендарными личностями, которые своим примером только подтвердили истину: талантливый человек талантлив во всем — и в футболе, и в работе, добиваясь успехов талантом, характером, трудолюбием. Но, футбол футболом, а прятки по популярности ему не уступали. «На златом крыльце сидели — царь-царевич, король-королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой. Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей». А можно так: «Эныки-беныки, ели вареники, эныки-беныки, клоц. Вышел пузатый матроц» (в мыслях — главное, чтоб не попало на меня). Или: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить — все равно тебе водить». Еще вариант: «Шла машина темным лесом за каким-то ин-те-ре-сом. Инте-инте-интерес, выходи на букву "ЭС". Буква "ЭС" не нравится, выходи, красавица». Все эти считалки (а, если напрячься, то еще несколько штук вспомнятся, менее приличных) сидят в голове прочно, хоть сейчас начинай игру, становись глазами к стенке и кричи: «Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать. Кто не заховался — я не виноват». И после этого — разворачиваться, искать спрятавшихся и мчаться к стене, чтобы застукать! Кого застукал первым, тот становится у стенки в следующем кону. (Первая курица — жмурится). А еще были кодовые фразы. К примеру, «Топор-топор, сиди как вор и не выглядывай во двор» — это кричали «застуканные» другим игрокам при приближении «опасности» (сиди и не высовывайся). Или: «Пила-пила, лети как стрела» — это значит, что водящий отошел далеко, и можно выбираться из укрытия и бежать, чтобы застукать себя самого. Короче, были дела... Отскакал я и свой квадратный километр в «классиках». Полезная во всех отношениях игра. Правда, кричать при этом: «Кто не скачет, тот... не наш» — даже в голову не приходило. Национальный вопрос не терял остроты ни в один из периодов, хоть социалистического, хоть капиталистического бытия, но со скаканием тогда никак не соприкасался. В пятом классе Коля Кравченко в задушевной беседе сообщил мне, что я еврей и поинтересовался, знаю ли я это? С Колей мы были в хороших отношениях, и я ответил, что знаю, добавив: «А чего тебя это волнует?» «Не, ниче, — ответил Коля, — просто мама сказала, что у Вовы Спектора мать еврейка, но хорошая, вылечила брата». Коля уже тогда играл в футбол, как настоящий профессионал, и я был уверен, что он им станет. Но впоследствии среди футболистов его имени я так и не нашел. После восьмого класса он поступил в ПТУ, и больше мы не встречались. Позже мы обсуждали национальный вопрос с моим другом Толиком Нодельманом, и это больное место не добавляло нам оптимизма. Но в классе подобных разговоров больше не припомню. «Культурные дети, у занавеску не шморкаются», — как говорил дедушка. А вот у моего брата Славика в его пятом классе были не только разговоры, но и выяснения отношений. Видно, дети были тоже культурные, но некоторые еще и сволочные. Брат принес домой две записки, которые лежали на его парте, с оскорблениями и угрозами. Мама их взяла и пошла к директору. Фамилии авторов записок были известны, они их не скрывали (видимо, дома у них этот вопрос стоял ребром и обсуждался в духе записок).

Но вся беда была в том, что родители их были весьма высокопоставленными чиновниками, и перспектива дальнейшего обращения мамы в обком партии (о чем она твердо сообщила директору) не улыбалась ни им, ни директору школы («человек человеку друг, товарищ и брат» — тогда это еще официально не было отменено). И потому на следующий день родители малолетних ревнителей национальной чистоты звонили нам и извинялись слащавыми голосами. Их отпрыски пришли в школу, судя по виду, битые, и с хмурым видом предложили Славику плохой мир вместо хорошей вражды. На том и порешили.

На вершине лесистого склона скрыто злобное
сердце дракона.
Ветер воет и тьма ворожит, и в испуге ребенок дрожит.
А дракону — чего? — Хороша бессердечная жизнь и душа.
За бессмертье не платят гроши, за бессмертье живут
без души.
Добрым молодцам головы рвать —
бесконечная благодать.
А в груди моей стук да стук. Вот я вырос, прошел испуг.
Все что было — быльем поросло, но воюют добро и зло.
Эту сказку читает дочь, добрым молодцам хочет помочь.

Не сомневаюсь, что и такие игры, как «в выбивного» или «штандор» — тоже из любимого репертуара детства всех добрых молодцев. Что такое «штандор» — кто его знает... И тогда понятия не имел, и сейчас. Какая разница! Бросаешь мяч вверх, кричишь «штандор», — и понеслась.

Поймаю мяч и «штандор» крикну звонко,
и, как от выстрела замрут,
Бегущие мальчишки и девчонки и, затаясь,
моей промашки ждут.
Но я не промахнусь, тверда моя рука, «осалю»,
как ужалю, я Коляна
И снова мяч несется в облака и имя новое взлетает
над поляной.
Максим, Серега, Ида, Зульфия мелькают
загорелые мордашки,
Игра — закон и мы — одна семья и все похожи,
как в траве ромашки.
Еще над всеми солнышко сияет, еще не знаем скуки бытия,
При крике «штандор» замираем и мчимся вновь,
удачу торопя.

Вот и автора этих стихотворных строк про «штандор» тоже не знаю, но что-то мне подсказывает, что мы — из одного поколения. И потому, наверное, знакомы ему еще и такие уважаемые игры, как «ножички» и набивание «жесточки». У меня тоже был, как сейчас понимаю, убогий складной (перочинный) ножик с одним тупым лезвием, который я втыкал в расчерченный на земле круг, пытаясь делать это метко и отжать (современный термин пришелся кстати) часть территории у соперника. Что сказать, мне эта игра нравилась меньше других. Но она была популярна. И в жонглировании ногой «жесточкой» (камешком, обшитым кусочком меха) я не преуспевал. А Женька набивал раз пятьдесят, наверное. А, может, и больше, поскольку так далеко мы тогда в счете не продвигались. Зато нравилось запускать «дымовуху» и ракету-спичку, и получалось это не плохо. «Дымовухи» делали на основе испорченной фотопленки, причем она была двух сортов — одна хорошо горела, прямо вспыхивала сразу, а вторая — тлела, и для этой цели не годилась. Плотно скрученный кусок подходящей пленки туго заворачивался в фольгу. Это была ракета. Из нее торчал запальник — спичка или полоска пленки. Запальник поджигался, огонь доходил до основного ракетного заряда, он вспыхивал — и фольга с жутким дымным шлейфом и шипением взлетала на несколько сантиметров. Радостное было событие. Упрощенный вариант — спичка, обернутая фольгой, установленная на столе и поджигаемая недалеко от фольги. Кстати, иногда взлетала даже выше, чем «дымовуха». Но без шумового и дымового эффекта, что резко снижало степень восторга. Как настоящие добрые молодцы, периодически мы вооружались луками, деревянными мечами или автоматами. Мне папа выпилил автомат из толстой фанеры и покрасил его, как сказал, «цапун-лаком» — получился настоящий «шмайсер». Пацаны меня зауважали.

Лук тоже получился могучий — стрела летела далеко и высоко. В лягушку, как в сказке не попал. Да и вообще, слава Богу, ни в кого не попал. Царевны-лягушки не было, а вот просторный шалаш (почти царские хоромы) в соседнем дворе был. Одно время сборы «мелкоты» в нем (помещалось нас не меньше шести) носили абсолютно невинный характер. Рассказывались несмешные анекдоты (а, может, я не понимал тогда их скрытое остроумие) и нестрашные ужасные истории, почерпнутые из увиденных фильмов, с примесью небогатой авторской фантазии. А потом в шалаше появилась и своя царевна (отчасти и лягушка). Ею стала Люда из соседнего квартала. Она была старше нас на год, но уже выглядела, как сказали бы сегодня, «секси». Сидела, чаще всего, молча. Но одну фразу как-то произнесла: «Я уже жизнь знаю, а вы еще ссыкуны». Как сказал бы киногерой: «Люся, ты говоришь обидно, но говоришь смачно». Сколько лет прошло, а фраза помнится. Но, думаю, не в смачности дело, а в том, как она с нами этим самым знанием жизни поделилась. В тот день шалашное «ток-шоу» было посвящено теме загадочной и не познанной — интимным отношениям, говоря культурно. А некультурно говорить не будем. Многое из того, что я там наслушался, стало понятно лишь значительно позже. Ну, а то, что увидел... Эммануэль отдыхает. Кто-то предложил Люсе попробовать, на что она пренебрежительно спросила: «А что, кто-то сумеет?» Самый смелый в тон ей небрежно пискнул: «А то...» Сказано — сделано. Люся легла на охапку травы и проворно сняла трусики. Мальчик последовал ее примеру. Все дальнейшее было видно плохо — мешали соседские затылки. Мелькали Люсины коленки и мальчишечья попа. Что у них там получалось, трудно сказать, но завершилось все неожиданно быстро, поскольку кого-то позвали родители. Домой я пришел совершенно обалдевший, что было замечено мамой, тут же сунувшей мне под мышку градусник. Но температура не отразила степень душевного смятения, и мама успокоилась. Не знаю, кто из присутствовавших на уроке жизни поделился информацией со своими родителями, но реакция была молниеносной — на следующий день шалаш был разобран и больше не появлялся. Тем более, лето скоро кончилось, и пришла пора уроков школьных. Несколько раз я встречал на улице Люду, она меня, естественно, не узнавала. А потом ее семья получила квартиру, и след ее на асфальтовых дорожках простыл. А в душе остался.

Отсверкали веселые дни, словно скрылись
за серою шторой.
Мы опять с тобой, осень, одни, и все те же ведем
разговоры.
Кто, зачем, и откуда, и как, и опять: «Почему?» —
нет ответа.
Это юности стерты пятак прокатился сквозь позднее лето.

Один мой приятель говорит: «Что остается от жизни — шах и мат». Вот, кстати, о шахматах и других умных играх до сих пор не сказал ни слова. Видно, неспроста. Передвигать фигуры в шашках и шахматах папа научил меня достаточно рано. Но на этом учеба, в целом, и завершилась. Любовь к этим играм ограничилась уважением. А вот папа играл хорошо, среди его приятелей были два мастера спорта по шахматам — заводчане Юрий Зверяка и Олег Былино, он и с ними вел шахматные баталии довольно успешно. И еще о шахматах. Вернее, не только о них. Начальник конструкторского бюро, где работал отец, Иван Андреевич Грузков, как-то, комментируя один из шахматных турниров, завершившийся победой молодого белорусского гроссмейстера Виктора Купрейчика, произнес: «В России надо быть русским, в Украине — украинцем. А то вот Купрейчик... Сразу понятно — еврейчик. Так нет же — белорус...» Мудро. Купрейчик, по-моему, услышал на уровне подсознания эту сентенцию и уехал туда, где он — такой же, как все. И, все же, был у меня период, когда я брал в библиотеке книги по теории шахматной игры, изучил староиндийскую защиту, защиту Каро-Канн, Филидора, освоил терминологию, но... Играть хорошо так и не стал. Это же впрочем, касается и карт, да и домино. Хотя, в подкидного дурака (как говорил дед, название — то, что надо) думаю, не разочарую своего партнера, (не суперпрофессионала, конечно). А в покер, преферанс — даже не научился. Позор.

Окончание на стр. 7

Окончание. Начало на стр. 6

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
ШКОЛА НА ВСЮ ЖИЗНЬ...

Тянут, тянут лямку короли и дамки.
Ход вперед и ход назад. Всюду чудится им мат.
Пешек, шашек суета, чемпионов маета.
И угрозы: «Ну, держись!» Игры, злые, словно жизнь...

А, может, и не такой уже позор, если учесть, что я шесть лет отучился в музыкальной студии игре на пианино, но, практически, играть так и не умею. Эта учеба была для меня сущей пыткой. Я очень люблю музыку. Очень! Но только слушать. Пианино же было конкретным наказанием. Но, видимо, родители решили, что с моей комплекцией заниматься музыкой — самое то. Было куплено пианино, и я несколько дней не без удовольствия беспорядочно стучал пальцами по клавишам, напрягая невольных слушателей звуковой какофонией. Потом надоело. И вот мама отвела меня в музыкальную школу. Там я подтвердил наличие слуха, отбив коробкой спичек по столу заданный ритм, но, поскольку дело было уже во втором классе, и я оказался староватым для первого музыкального, посоветовали пойти в музыкальную студию при клубе пожарников (почему туда — не знаю). Там нас приняли с распростертыми объятиями, и я поначалу занимался с какой-то строгой учительницей, не взлюбившей меня с первого занятия. Я отвечал тем же искренним чувством (сейчас даже ее имя-отчество не могу вспомнить). Мука длилась, пока я не оказался в классе Владимира Дмитриевича Совина — молодого талантливого композитора, подрабатывавшего уроками в студии. Вот с ним мы поняли друг друга с полуслова (или полузвука). Поскольку я главной задачей для себя в то время считал кардинальный сброс лишних килограммов, то учебник по культуризму лежал в сумке вместе с нотами. Владимир Дмитриевич (тоже весьма не худой) активно заинтересовался, и мы изучали книгу вдумчиво, с практическими занятиями. Он принес из дома гантели, и мы старательно отрабатывали отнюдь не фортепианную технику. Еще он показал, как надо поднимать стул, держа его за одну ножку. Увлекательное дело. Однажды в момент очередного упражнения со стулом в класс заглянула завуч. Остолбенело посмотрела на нас с Совиным и произнесла фразу из фильма «Добро пожаловать или Посторонним вход воспрещен» — «А чего это Вы тут делаете, а»? Совин ответил, что я разрабатываю кисть, чтобы более непринужденно исполнять арпеджио. «Ага...» — задумалась завуч и позвонила моей маме. Мама возмутилась педагогом, но, слава Богу, других мер не предприняла. А дед, провожая меня в студию, благодушно говорил: «Иди, потягай гири со своим пианистом». В общем, после шестого класса я благополучно ушел из студии, но «Полонез Огинского» руки каким-то образом наигрывали еще долгое время. Сейчас вспоминаю только несколько первых нот. Мораль — надо делать то, что дано от Бога. Насильно милым занятие не станет. Усвоив это на собственном примере, старался, чтобы дети занимались именно тем, что им по душе. Но, видимо, в отличие от своих родителей я сделал воспитательный перекос в сторону спорта. Музыкой дети не занимались. И, как выяснилось, напрасно. Повзрослевшая спортивная дочь не один раз сожалела, что так и не научилась играть ни на одном музыкальном инструменте. Слава Богу, на нервах не играет тоже. И это главное. А внук (со знакомой тоской в глазах) учится играть на гитаре. Это, по крайней мере, оценят потом знакомые друзья и подружки. В заключение музыкальной истории — два момента. В первый день армейской службы нас собрали в красном уголке, и майор-начальник клуба строго спросил: «Кто умеет играть на пианино»? И я решил — была не была. Поперся на сцену и «сбацал» коронные номера — начало «Полонеза», «Цыганочку» и «Бухенвальдский набат» Его мы с Совиным почему-то изучали весь последний год наших совместных музыкально-атлетических изысканий. Кстати, встречено это было благосклонно. И, если бы в одном призыве со мной не оказались выпускники Харьковской консерватории, служить бы мне в музвзводе. А так — это выступление стало вершиной моей исполнительской карьеры. Неутешительные итоги познания мною таинств диезов и бемолей, видимо, охладили родительский пыл в придании детям музыкального лоска. Мой брат в музыкальную школу (и студию) не ходил, позанимался немного дома с учителем и все. Но играл намного лучше меня, легко подбирая мелодии популярных песен. И, кто знает, может, ему эти занятия были бы в радость, даже без гантелей. Кто знает... В итоге и он не стал музыкантом. Но, сомневаюсь, что сожалеет об этом. Совсем забыл. Небольшой сценический опыт выступления в составе музыкального коллектива у меня, все же, есть. Я играл в традиционном школьном ансамбле. И инструмент назывался «домра-бас». Не без труда едва освоил его четыре струны, и создавал корявый басовый фон в нескольких песнях, когда мы выступали перед бабушками на избирательном участке. Домру я притащил домой (благо, нести недалеко) и репетировал. Это было похоже на звуки басовой трубы из «Волги-Волги» — бум-бум, бум-бум. Папа так и говорил: «Заслушаешься...»

Мне было интересно, льстило присутствие на сцене. Правда, длилось это музицирование недолго. Ансамбль распался (уж больно он был официальный, казенный, что ли), домру я вернул в школьный красный уголок. Но артистические переживания (хоть и в микроскопическом масштабе) лишними не оказались. В дальнейшей жизни все пригодилось.

Сопрано и альты, басы и тенора... Их помыслы чисты,
а песня, как игра,
Влечет их за собой сквозь сутолоку нот.
Судьбой или трубой завещан поворот,
Как поворот ключа скрипичного в боку...
По клавишам стуча, то вверх, то вниз бегу.

Не зря говорят, что друзья должны появляться в детстве, юности, молодости, а в зрелом возрасте возникает только гипертония. Хотя, утверждение спорное. Я и, потеряв шевелюру, и расставшись с большинством иллюзий, тем не менее, иногда приобретал друзей, искренних и добрых. Но, безусловно, дружба, рожденная в детстве, в школе, имеет корни более прочные и надежные. Друзей ведь вообще много не бывает даже среди одноклассников. Но если уж так случилось, что судьбы и характеры зацепились друг за друга, то это — на всю жизнь. Пушкин, Пущин, Кюхельбеккер — это только подтверждают. А если этого сцепления не произошло, остаются в памяти просто одноклассники, что тоже не плохо, судя по многомиллионности посещений одноименного интернет-сайта. Во втором классе я сидел за одной партой с мальчиком по фамилии Баженов. Папа у него был военный, и уже через год их семья по зову армейской трубы переехала в другой город. Но в памяти остались его улыбчивость, дружелюбие и открытость. Не знаю, вспоминает ли он меня, да и вообще интересно узнать, кем он стал, как устроил свою жизнь, в которой мельком отразилась и частица моей. Человек предполагает, а судьба — располагает. Сказано точно. Судьбе угодно, чтобы случайное расположение родительских семей способствовало многолетнему общению детей в одной школе, в одном классе, и результатом этого общения может стать возникновение дружбы, каким-то образом в дальнейшем влияющей и на саму судьбу. Мудрено, но правдиво. После Баженова я некоторое время сидел за одной партой с девочками (педагогический эффект присутствовал, а отношения развивались в русле официальных церемоний). Дружба произросла в общении с мальчиками, причем в основе ее — не только судьба, но и родительское слово. Конкретнее, материнское. Помню, как мама, изучив списочный состав класса, настойчиво порекомендовала дружить с Толиком Нодельманом, Игорем Семененко и Сережей Мокроусовым. Как выяснилось потом, в рекомендациях их мам присутствовала и моя фамилия. Толик Нодельман появился у нас в третьем или четвертом классе, когда его папу, главного инженера пуско-наладочного управления, перевели из Кировска в Луганск, где семья получила квартиру в новом доме неподалеку от нас. Мне очень нравилось бывать у них в гостях, где у Толика и его младшего брата Ленчика была отдельная комната с книжными полками на всю стену. Дюма, Майн Рид, библиотека приключений, альманахи фантастики, книги по истории — все это удачно восполняло пробелы нашей домашней библиотеки. Кроме того, в комнате стоял магнитофон «Днипро» — здоровенная «бандура», которая качественно воспроизводила не только благословенные хиты тех лет, но и наши голоса (микрофон работал хорошо). Дружескую и доброжелательную атмосферу их дома создавали (и украшали собой) родители — строгая и решительная, но справедливая и мудрая мама-рентгенолог (просвечивала всех одним взглядом) и добродушно посмеивавшийся папа, прошедший блокаду Ленинграда и потом воевавший до Победы. Толик мечтал стать археологом, а также изучать глубины морей и океанов... Но поступали мы с ним вместе на транспортный факультет машиностроительного института. И на первый вступительный экзамен его папа (чтобы не дай бог не опоздать) привез нас на час раньше на производственном транспорте — микроавтобусе «Ниса» (который все называли Нюсей). Помню, что в голове крутилась песня «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», а волнение было, как перед последним и решительным боем. С высоты прошедших лет можно сказать, что мы его, по большому счету, выиграли, хоть и получили «четверки» (совершенно незаслуженные — но именно так экзаменаторы решили оценить наши решения задач и примеров). Несправедливость я воспринял тогда, как разгромное поражение (ведь мне пришлось сдавать все остальные экзамены, от которых я, как золотой медалист, в случае получения первой «пятерки» освобождался).

Но об этом расскажу чуть позже. А сейчас еще раз поблагодарю судьбу за дружбу с Толиком, которая продолжилась и в институте, и после его окончания, и сейчас, когда он живет совсем в другой стране, где оказались востребованы его знания и умения, где инженер — значит человек «не только изобретательный, но и обеспеченный». Перед этим он успел окончить аспирантуру в Московском горном институте, защитить диссертацию и преподавать студентам «Детали машин» и «Начертательную геометрию» (одни названия вызывают благоговейный ужас). А еще занимался карате в знаменитой школе Штормина, но его жена Оля без всяких навыков в японской борьбе положила его на лопатки. Думаю, что дружба — это не только приятное общение, взаимопомощь, но и взаимообогащение. Решительность, уверенность в себе, умение мыслить парадоксально, присущие Толику, в какой-то степени передавались и мне. Надеюсь, и какие-то мои качества не стали лишними для него.

Книгочей, бессребреник, простак... Жизнь — как схема
без обратной связи.
Шаг не так — и вновь запретный знак в направлении
от «князя и до грязи».
Синева — в глазах и за окном, темнота — в делах,
а, может, в душах.
Почитаешь — пишут об одном, и совсем другое
слышат уши.
Что ж готовит нам грядущий день? Чьи же роли в пьесе
мы играем?
Ленского ль, Онегина ли тень задержалась
над родимым краем?
А на кухне факел голубой чайник вновь довел
до исступленья.
И плывут над нашею судьбой облака чужого поколенья.

Часть учебного времени мы сидели за одной партой с Толиком, а часть — с Игорем Семененко, который во взрослой жизни стал выдающимся врачом-невропатологом, а мог бы — талантливым писателем, журналистом или художником. Мы жили, практически, в одном дворе, и когда мама Игоря пригласила меня приходить в гости, я воспринял это, как руководство к действию. Считалось, что мне нужно было помогать Игорю догонять школьную программу, поскольку он из-за подозрений на ревматизм много времени лечился в санаториях, пропуская учебный процесс. Я, конечно, приносил с собой тетрадки, но главным нашим занятием были беседы на вольную тему, рассматривание журналов, слушание музыки... В общем, мне было очень интересно, и дедушка, очевидно, слегка ревнуя, ворчал: «Тебе дай волю — дорогу домой забудешь, только и знаешь, как по гостям шастать». Мама Игоря преподавала русскую литературу, и любовь к ней передала сыну, который, к тому же, легко и изящно рифмовал строки, поражая меня этим искусством. Иногда его мама, проверяя тетради, показывала нам самые жуткие ошибки. Запомнил в одном сочинении слово «маладеш». Сначала и не понял, что это. А потом прочитал все предложение — «За мир, совецкая маладеш!» Шесть ошибок в двух словах. Как сейчас сказали бы «Вау»! Слабым оправданием было лишь то, что автор учился в вечерней школе. Потихоньку процесс рифмовки увлек и меня, и мы начали сочинять вдвоем поэтический школьный эпос. Все заносили в особый блокнотик, который я сохранил. Бред, конечно, писали полный. Только одну строчку считаю возможным процитировать из этого блокнотика: «На столе стоял штатив, собирался наш актив...» Штатив стоял на столе потому, что нашей классной руководительницей была учительница химии Таисия Ивановна, и все мероприятия проходили в кабинете со штативами. Школа считалась одной из лучших в городе, и кабинетная система была объектом законной гордости. Украшением блокнотика были рисунки Игоря, выполненные черной ручкой в стиле юного Лермонтова. О Лермонтове рассуждал и Саша Уманский, двоюродный брат Игоря, который читал на память «Евгения Онегина» и «Мцыри», и был, как сказал бы киногерой «такой умный, аж страшно». Еще один его двоюродный брат Марик не вдавался в высокие литературные материи, но при этом своей доброжелательностью придавал разговорам замечательный оттенок задушевности. Много раз я сидел за именинным столом на днях рождения Игоря, когда собиралась его довольно большая родня, и эта самая задушевность была главным и незабываемым блюдом семейного праздника. В середине 60-х годов на горизонте самых «задушевных» средств массовой информации, на мой взгляд, выделялся журнал «Кругозор», главной «изюминкой» которого было наличие гибких звуковых страниц-пластинок.

Продолжение в следующих номерах «Поэтограда»

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации некоммерческой организации

Региональная общественная организация "Союз писателей XXI века"

109190 г. Москва, ул. Любянская, д. 47, пом. VII, ком. 1

Решение о государственной регистрации некоммерческой организации при создании принято "24" января 2011 г. Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве.

Запись о некоммерческой организации внесена в Единый государственный реестр юридических лиц "08" февраля 2011 г. за основным государственным регистрационным номером:

1 1 1 7 7 4 6 0 2 3 0 9

Начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве В.В. Дикопов

Учетный N 9 7 7 1 2 0 1 0 5 1 1 3

Дата выдачи "14" февраля 2011 г.

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

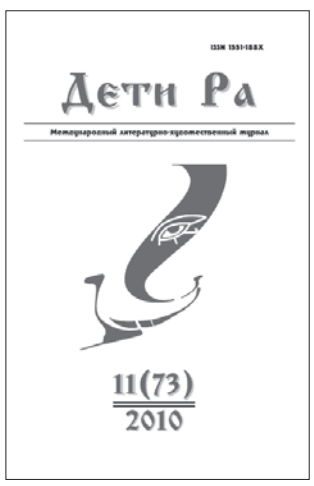
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд